

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ...

Дмитрий ЦИЛИКИН

Февраль 48-го. Только что грянуло погромное сталинское постановление «Об опере Мурадели “Великая дружба”», все, к кому оно прямо или косвенно могло относиться, разумеется, трепещут в ожидании неминуемых репрессий. Жданов собирает в Кремле ведущих музыкальных деятелей на инструктивное совещание. Аккурат посреди его речи Сергей Прокофьев, сидевший в первом ряду, вытягивает ноги и мирно засыпает. Из президиума спускается некто Шкирятов, толкает Прокофьева в бок: «Сергей Сергеевич, неудобно. Такое совещание, а вы спите». Прокофьев открывает глаза: «Вы кто такой? Меня с вами не знакомили. Как ваша фамилия?» «Я Шкирятов», – лепечет совершенно обалдевший партфункционер. «Ах вы Шкиря-я-ятов? А я Прокофьев!» – и великий композитор снова погрузился в безмятежный сон, еще и похрапывая.

За дословную точность еще одного исторического анекдота не ручаюсь – его пересказывают по-разному. Примерно так: Александр Вертинский вернулся в СССР из эмиграции в 43-м и входил в обстоятельства советской жизни нелегко и не сразу. Юная ассистентка на какой-то киностудии заполняет на него бумаги: «Вы народный?» «Нет», – теряется Александр Николаевич. «Заслуженный?» – «Нет». – «Ну хоть какое-то звание у вас есть?» – «Деточка, кроме мировой славы, ничего».

Вообще-то русский народ эту проблему давным-давно решил, вердикт сформулирован императивно: не место красит человека, а человек место. Однако собственной же мудрости многие представители означенного народа ну совершенно не хотят следовать. Самый близлежащий пример, из новейшей истории России: стоило назначить премьер-министром какое угодно лицо, пусть бы электорату и вовсе неизвестное, рейтинг доверия оно электората к назначенцу немедленно взмывал вверх.

И наоборот: сколько персонажей, казавшихся настоящими звездами политики или бизнеса, покидая место службы (и, разумеется, вследствие этого – телеэкран), отправлялись в PR-небытие. Вполне возможно, дальше они ведут добропорядочную жизнь мирных обывателей, но нам про то неведомо. Табличка с указанием должности и ФИО имеет сакральный смысл, лишь пока висит на двери кабинета. А если ее отвинтить – в лежащем положении она выполняет функцию крышки информационного гроба, куда обладатель фамилии залегает как публичная фигура.

Но — не любой фамилии. Возьмем, к примеру, фамилию «Чубайс» — для населения целой страны она давно превратилась в понятие. И какая-то часть россиян воспринимает его как олицетворение всех бед, приключившихся с ними в лихие 90-е. Для другой же части это имя служит символом либерализации экономики, демократизации общественной жизни. Наконец, для третьей — воплощением личного карьерного успеха и образцом для подражания. Притом пост, занимаемый Анатолием Борисовичем в тот или иной момент, мог быть каким угодно — не кресло осеяло этого человека своим ореолом и придавало ему вес и значение, но, напротив, его собственный вес утяжелял его нынешнюю должность.

Если вычесть из написанного на визитной карточке всё, кроме имени, должно оставаться нечто, что делает обладателя карточки нужным не только десятку родных & близких. Начиная это правило, конечно, не касается, однако на определенном этапе жизненного пути, но все-таки уж не позднее условной середины жизни, не стоит затягивать с ответом на вопрос (пусть бы и внутренний, задаваемый себе): а что, собственно, ты собой представляешь, помимо всяких кудрявых поименований на этой самой визитке?

Удовлетворительный ответ на такой вопрос и составляет принципиальное и выгодное отличие человека-бренда от человека-должности.

Уравный должность всегда убежден, что получил ее по заслугам. Однако зачастую окружающим-то очевидно: из того, что он ее занимает, следует лишь то, что ветрами капризной судьбы его туда занесло. Гордиться должностью странно и глупо – а разве что тем, чего ты на ней добился.

Но и тому, кто умел сделать свою фамилию известной современникам наизусть, негоже превращаться в предводителя стада павлинов и утрачивать чувство юмора (прежде всего по отношению к себе самому). Очень полезно соединять высоту самооценки с ее трезвостью. Пушкин писал ведь в лирическом стихотворении: «Что в имени тебе моем? / Оно умрет, как шум печальный / Волны, плеснувшей в берег дальний...» – отлично понимая притом, что, как сказано в стихотворении эпическом, «И назовет меня всяк сущий в ней язык».

Между прочим, и сама русская фамилия Пушкин, в сущности, довольно смешная – но мы этого не чувствуем, напротив, она кажется прекрасной. А, к примеру, немецкая фамилия Фрейндлих, состоящая из одних согласных, на которых ломается язык, давно превратилась для наших ушей в чистую музыку.

...Кстати, делал тут для одного телеканала интервью с Алисой Бруновой. На монтаже спрашивают: «Как ее подписать – актриса БДТ? народная артистка СССР?»

– «Алиса Фрейндлих». Этого совершенно достаточно.